

Пэй Цзинсин понимал: медлить нельзя. Помогая Су Яню покрепче устроиться у себя на спине и прихватив Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу, он двинулся в указанном направлении.

Деревья по обе стороны тропы стремительно редели, пока сочная трава под ногами не сменилась безжизненной, каменистой пустошью. Впереди расстилалась лишь сплошная белесая пелена. Пэй Цзинсин начисто потерял ориентиры — исчезли понятия верха и низа, перед и зад, осталась лишь слепящая мгла.

Однако уличный посол не колебался. Он верил Су Яню и твердо сделал шаг вперед. В ту же секунду его сапог погрузился в податливую влажную грязь, туман перед глазами мгновенно растаял, и Пэй Цзинсин обнаружил, что стоит у подножия того самого старого дерева павлонии.

«Неужели выбрались?»

Радоваться спасению времени не было: Су Янь за его спиной по-прежнему не приходил в себя. Пэй Цзинсин мало смыслил в делах духовных и даосских таинствах, поэтому при виде столь пугающей слабости товарища у него оставался лишь один выход — немедленно спешить в Храм Высшего Таинства к даоси Чжоу Юйи.

— С чем же вы столкнулись? — Чжоу Юйи нахмурился, разглядывая распростертого Су Яня. На его обычно безмятежном, благообразном лице на мгновение отразилось трудночитаемое чувство.

— Это была Хуапи, — Пэй Цзинсин намеренно умолчал об Одевании Сотни птиц, упомянув лишь, что они отправились на Призрачный рынок и угодили в ловушку Раскрашенной кожи. — К тому моменту, как я подросел, он уже был в таком состоянии.

Чжоу Юйи обернулся к послушнику, велел принести необходимые для обряда вещи, а затем мягко обратился к Пэй Цзинсину:

— Уличный посол Пэй, мне нужно изгнать скверну из тела даоси Су. Попрошу вас подождать за дверью.

— Изгнать скверну? — встревожился уличный посол. — Су Янь одержим злым духом?

— Времени на объяснения нет, — с горькой усмешкой покачал головой Чжоу Юйи. — Прошу вас, подождите снаружи.

Су Янь все еще метался в бреду, и Пэй Цзинсину, несмотря на рой вопросов в голове, пришлось

уступить. Послушник проводил его в соседние покои, где гостю оставалось лишь мерить шагами комнату в томительном ожидании.

Как только дверь за Пэй Цзинсином закрылась, Чжоу Юйи сбросил парадное даосское облачение. Засучив рукава, он взобрался на ложе, подхватил Су Яня под лопатки и приподнял его ослабевшее тело.

— Учитель, все готово, — в комнату тихо вошел послушник с подносом в руках. На нем лежали ритуальный кинжал, простая глиняная чаша с водой и чистая, пока еще прозрачная глазурированная жемчужина.

— Подержи его, — Чжоу Юйи сделал знак мальчику занять его место.

Послушник, который был гораздо ниже наставника, устроился на краю постели и крепко обхватил Су Яня за плечи, фиксируя его тело.

Чжоу Юйи взял с подноса кинжал, отпил глоток заговоренной воды из чаши и, мысленно сотворив заклинание, с силой брызнул ею на лезвие. Оружие окуталось едва заметным багровым свечением. Он убедился, что ученик держит Су Яня крепко, и резким, выверенным движением вонзил кинжал прямо в грудь юноши, в область сердца!

Су Янь глухо застонал сквозь зубы. Его тело свело судорогой, челюсти сжались так, что слышался скрежет, а дыхание сделалось прерывистым.

Красно-черные узоры на его лице зашевелились, поползли вниз по шее, стремясь укрыться в теле. Но Чжоу Юйи действовал молниеносно: он зажал ключевые меридианы на груди Су Яня, перекрывая ядовитым токам путь. Испугавшись преграды, темные всполохи бросились обратно к лицу юноши. Раздался яростный, утробный рык. Су Янь словно оскалился, обнажив острые, хищные клыки.

Послушник, заметив эти жуткие метаморфозы, вскрикнул от испуга. Он разжал пальцы и в панике воззрился на наставника:

— Учитель, что это с ним?!

Чжоу Юйи одной рукой продолжал удерживать рукоять кинжала, а второй крепко прижал плечо Су Яня к постели. Он грозно зыркнул на дрожащего от страха мальчика:

— Держи его!

Этот окрик подействовал на послушника как ушат ледяной воды. Он мгновенно перехватил руки Су Яня и отвернулся, стараясь не смотреть на то, во что превратилось лицо молодого даоси.

Внезапно Су Янь распахнул безумные глаза. Он хрипло заревел; высвободив одну руку, он попытался вцепиться в шею Чжоу Юйи. Однако настоятель храма даже не дрогнул. Спокойным движением он нанес короткие удары по локтевым суставам юноши, заставив его руки плетью опасть вниз, и еще глубже вогнал лезвие кинжала в его грудь.

Темная, почти черная кровь тонкой струйкой потекла по металлу. Су Янь мгновенно обмяк, растеряв все свои неистовые силы. Послушник тут же прижал его плечи к ложу, не давая пошевелиться.

Чжоу Юйи взял глазурованную жемчужину и приложил её к груди юноши, совершая круговые движения вокруг торчащего кинжала. Он глухо зашептал слова древнего заклęcia:

— Небесный Исток и Земная Обитель, корень десяти тысяч сил... Сквозь вечность и муки яви мне свое величие...

С каждым словом из раны на груди Су Яня вырывались струйки темного тумана, которые тут же втягивались в жемчужину. Вскоре глазурованная жемчужина в пальцах Чжоу Юйи из переливающейся всеми цветами радуги превратилась в иссиня-черную, а лицо Су Яня вновь разгладилось и приняло прежний, благообразный вид.

Выдернув кинжал, настоятель смазал рану выступившей кровью. К удивлению послушника, края пореза тут же стянулись, словно листья стыдливой мимозы от прикосновения, оставив после себя лишь бледную, едва заметную полосу.

Только тогда Чжоу Юйи позволил ученику отпустить юношу. Разглядывая потемневшую жемчужину на своей ладони и спящего Су Яня, он тяжело вздохнул:

— Су Фу... неужели ты и впрямь решил сгубить собственного внука?

Когда Су Янь наконец открыл глаза, он обнаружил себя в своих покоях в Храме Высшего Таинства. Возле стены, прикрыв глаза, дремал Пэй Цзинсин — точно так же, как и несколько месяцев назад.

В груди молодого даоси что-то сладко защемило, а к горлу подкатил теплый, горьковатый ком.

Почувствовав шорох, Пэй Цзинсин тут же встрепенулся. Увидев, что друг пришел в себя, он расплылся в облегченной улыбке:

— Наконец-то очнулся! Лежи, не вставай, я сейчас позову даоси Чжоу, пусть осмотрит тебя.

Не успел Су Янь и слова вымолвить, как уличный посол вихрем вылетел из комнаты.

Юноша приподнялся на ложе, он сонно посмотрел на изножье постели. Там лежало великолепное, невиданное ранее одеяние. Ведомый любопытством, он придвинул его ближе и ахнул — это было то самое Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу!

«Нашли!»

Вспомнив о главном, Су Янь торопливо засучил рукав. Тонкая красная линия на его предплечье замерла всего в каком-то полувершке от плеча.

«Сколько же времени я провалялся без чувств?»

Размышления прервал скрип двери — в комнату вошли Пэй Цзинсин и Чжоу Юйи. Заметив, что гость сидит на постели, настоятель ласково улыбнулся:

— Ну, слава богам, очнулся.

— Благодарю вас, даоси Чжоу, — Су Янь поклонился. Он и без подсказок понимал, что своей жизнью обязан старому другу своего деда.

— Ближайшие дни тебе все же стоит побережься, — Чжоу Юйи пристально посмотрел на юношу. — Хуапи хитра и злопамятна. Раз уж ей не удалось заполучить желаемое с первого раза, она наверняка попытается снова.

Су Янь невольно прижал ладонь к груди:

— Даоси Чжоу, что со мной произошло в ту ночь?

Настоятель вздохнул, усаживаясь на край табурета:

— В подлунном мире все имеет право на жизнь. Ни демоны, ни призраки не бывают безусловно злыми. Ты же все эти годы без разбору загонял их в свои жемчужины ради выплавки сил. В твоём теле накопилось слишком много ядовитой иньской скверны. Столкновение с Хуапи лишь послужило искрой — чужая призрачная энергия разбудила спавшую в тебе отраву, чуть было не ввергнув тебя на путь истинного демона.

Пэй Цзинсин, воочию наблюдавший ярость Су Яня в тумане, согласно закивал. Беспокоясь за будущее друга, он спросил:

— Даоси Чжоу, а что теперь делать с этим ядом?

— Не тревожьтесь, — благодушно отмахнулся он.

<http://bllate.org/book/18419/1866253>